

РОЗДІЛ III

Історія філософії

УДК 130.1 (470)

Владимир Возняк

Соотношение рассудка и разума в философии павла флоренского

В статье анализируется интерпретация П. А. Флоренским классической проблемы соотношения рассудка и разума. Русский философ акцентирует внимание на внутренней противоречивости рассудка, на его греховной природе; разум же предстаёт не как некий механизм, а как орган живого существа, вид связи бытия, обретающий свою сущность из Истины.

Ключевые слова: рассудок, разум, грех, истина, тождество, самоутверждение, самость.

Постановка научной проблемы и ее значение. Различение и противопоставление рассудка и разума (под разными «именами» – «*dianoia*» и «*nous*», «*ratio*» и «*intellectus*», «*Verstand*» и «*Vernunft*») является сквозными в русле истории философии. По Шеллингу, самая большая ошибка – считать «подчиненный рассудку разум самым разумом». А ведь «то, что многие философы до нас и почти все, считающие себя таковыми, теперь называют разумом, относится еще к сфере рассудка» [8, с. 560]. Верное и весьма полезное замечание. Отсюда – многие инвективы по адресу разума справедливы именно в отношении рассудка, выступающего в личине разума, подменяющего разум собой.

Особенную актуальность различение рассудка и разума получает в ситуациях социально-политических катаклизмов, острых общественных кризисов, когда неспособность *возвысить своё суждение до разума*, нежелание искать именно *разумные основания* процессов – могут обрушивать общество в пучину братоубийственной войны. Рассудок здесь – плохой помощник, ибо именно рассудочно инфицированное сознание наиболее пластично поддается манипулятивным воздействиям, попадает в плен примитивных идеологий, вплоть до откровенно нацистских.

Не обошла проблему рассудка и разума и русская религиозная философия. Обращение к опыту последней, по моему мнению, дает возможность осветить те аспекты в соотношении категорий «рассудок» и «разум», которые остались без внимания в классической традиции, в частности, в немецкой философии от Канта до Гегеля. А. Ф. Лосев в своей работе 1918 г. отмечает особый характер русской философии: здесь мы имеем некоторую дологическую, досистематическую, а лучше сказать – сверхлогическую, сверхсистематическую картину философских течений и направлений [5, с. 209]. Н. А. Бердяев утверждает: «Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путем, что истина есть лишь суждение. И никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому, поколебать того дорационального убеждения русских, что постижение сущего дается лишь цельной жизни духа, лишь полноте жизни» [цит. по: 5, с. 211].

Философские идеи Павла Флоренского проанализированы многочисленными исследователями. Однако сама *проблема соотношения рассудка и разума* в творчестве русского философа специально не рассматривалась. Поэтому **цель статьи** – анализ проблемы соотношения рассудка и разума в философии П. А. Флоренского.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Категории классической философии «рассудок» и «разум» превосходно «работают» в философии П. А. Флоренского, который последовательно анализирует закон тождества и обнаруживает его противоречивость. Рассудочно все то, что выделено из среды прочего, что не смешивается с прочим и *замкнуто в себя*, – одним словом, что самотождественно. Однако выходит, что *рассудочное* есть в

то же время *необъяснимое*: объяснить А означает привести его «к другому», к не-А (закон достаточного основания), вывести А из не-А. «То, что рассудочно, то неразумно, – несообразно мере разума. Разум противен рассудку, как и этот последний – первому, ибо требования их противоположны. Жизнь, – текучая, несамотождественная, – жизнь может быть разумна, може т быть прозрачна для разума <...> ; но именно потому самому она была бы невместима в рассудке, противна рассудку, разрывала бы его ограниченность. А рассудок, враждебный жизни, – поэтому самому, в свою очередь, искал бы умертвить ее, прежде нежели согласиться принять ее в себя» [7, с. 29–30]. Сам рассудок вынуждает нас выходить за его пределы. Тожество, мертвое в качестве *факта*, может быть и непременно будет живым в качестве *акта*. Тогда закон тождества окажется поверхностью бытия глубинного, – не геометрическим образом, а «внешним обликом недоступной рассудку глубины жизни; и в этой жизни он может иметь свой корень и свое оправдание» [7, с. 47]. Дабы избавиться от эмпирии рассудка, надо выйти за его пределы, войти в ту область, где он коренится; а это значит, что нужно было бы в *опыте* осуществить синтез противоположностей, синтез безотносительного и отношения, первого и выводного, покоя и движения, единицы и бесконечности. Косность закона тождества преодолевается трояким «подвигом веры, надежды и любви». – Иными словами, преодоление рассудка как бы изнутри него самого совершается, по Флоренскому, в *живом религиозном опыте*.

Рассудок, согласно идеям П. А. Флоренского, *изначально греховен*. Не потому, что он – рассудок (нечто, способное судить, рассуждать, выносить суждение), а потому что *грех как таковой* (и, соответственно, грех рассудочности) состоит «в нежелании выйти из состояния само-тождества, из тождества Я=Я, или точнее – Я! Утверждение себя, как себя, б е з своего отношения к д р у г о м у, – т. е. Богу и ко всей твари, само-упор вне выхождения из себя и есть коренной грех, или грех всех грехов. Все частные грехи – лишь видо-изменения, лишь проявления само-упорства самости» [7, с. 177–178]. Рассудок излишне самостен, он есть акцентация своего *отрыва от всего и утверждение себя, своего*. «Рассудок (*διαβολα*) в противоположность уму и есть проявление самости» [7, с. 170]. «Сам грех – нечто вполне рассудочное, вполне по мере рассудка, рассудок в рассудке, дьявольщина, ибо Дьявол-Мефистофель – голая рассудочность» [7, с. 179].

Анализируя логику и эйдетику музыкального бытия, А. Ф. Лосев замечает: рассудочная логика основана на жестком понимании раздельности А и В и одновременно – их механической сопряженности. Однако когда строится эйдетический предмет, мы получаем мысленную картину *живой связи* вещей. В сфере эйдетической А, оставаясь прежним А, превращается и в нечто другое, – таков закон живого предмета. Точка зрения отвлеченной мысли есть вообще основание всего нашего знания, и научного по преимуществу. «Однако с абсолютной точки зрения отвлеченная мысль отнюдь не является самодовлеющим началом. Она сама — лишь момент в других, более широких и высоких областях мысли и бытия» [4, с. 257].

Музыка снимает и уничтожает логические скрепы сознания и бытия. «Нет рассудка и его операций. Исчезли образы и рассыпались. Образы познания расплавлены в бытии и вошли в него. Нет бытия необразного, нет образа только мыслимого. Есть вечная Жизнь и ее цветение – и то не обязательно образное. В образе и понятии есть распадение, раскол, есть отъединенное созерцание предметности, есть упорно-одинокая и несоборная направленность на бытие; в них – усталость упований. Видящий образами видит наполовину в них себя; мыслящий понятиями, о чем бы он не мыслил, мыслит окаменелый и проклятый мир, сводящийся в существе к пространству и его тюрьме. Точность и определенность понятий есть послушание смерти и пространству с его абсолютным нулем. Ему неведомы восторги и упоение сладчайших радостей анархизма. Ускользает от него живая жизнь, и кладбище – его арена» [4, с. 259]. За пределами рассудочного познания уже нет абстрактной противопоставленности сознания и бытия. – Разумеется, здесь А. Ф. Лосев под «мышлением понятиями» имеет в виду формально-логические понятия, а мы помним, что Гегель полагал, что такая логика без понятия о «понятии», скажем так, – не имеет «зеленого понятия» о «Понятии». Также мы помним, что И. А. Ильин в своей книге о Гегеле предупреждал, что при рассмотрении гегелевского учения о Понятии надо напрочь забыть всё, что мы знали о понятии из формальной логики.

Противоборство конечности и бесконечности в «греховном рассудке», согласно П. А. Флоренскому, является выражением глубочайшего противоречия коренных норм самого разума в его современном, падшем состоянии. «По греховной природе своей, рассудок имеет закал антиномический, ибо рассудок двузаконен, дву-центричен, дву-осен. А именно, в рассудке статика и динамика его исключают друг друга, хотя, вместе с тем, они не могут быть друг без друга» [7, с. 484]. Ста-

тическое – это закон тождества, динамическое – закон основания, первый есть «основа рассудка», второй – «уток его». Ткань рассудка соткана из конечности и бесконечности – дурной бесконечности, и эта ткань раздрается в противоречиях. – «Как же возможен рассудок?» – спрашивает П. А. Флоренский. – Рассудок возможен не сам по себе, а через предмет своего мышления, но только через такой предмет, в котором оба закона рассудка совпадают, т. е. где оба начала рассудка – конечность и бесконечность – становятся одним, или же – когда его само-тождество есть одновременно его иноутверждение, т. е. если дана ему Абсолютная Актуальная Бесконечность. – Таковым «объектом» мышления может быть лишь «Трипостасное Единство» как предмет всего богословия и заповедь всей жизни. Оно-то и есть «корень разума». «Рассудок возможен потому, что есть Трисиятельный Светоч, и – постольку, поскольку он живет Его Светом» [7, с. 488]. Итак, вывод П. А. Флоренского: «сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь Вечности» [7, с. 489].

П. А. Флоренский вовсе не отбрасывает рассудок, он вскрывает его *диалектику*. Выражение «*диалектика рассудка*» может вызвать недоумение: как известно, рассудок не справляется с диалектикой, сие не его «ума дело», рассудок сам по себе предельно не-диалектичен; лишь для разума, преодолевшего в себе рассудочную ограниченность, открывается единство противоположностей. И всё же о диалектике рассудка можно – и необходимо – вести речь, поскольку, будучи по самой своей природе и устройству неспособным воспринять диалектику, рассудок *обнаруживает свою диалектическую природу* – ведь диалектика проявляется во всём. Иное дело – «*рассудок о диалектике*» или «*диалектика от рассудка*»: что может сказать глухой о музыке или слепой о живописи?

Подобное выявление диалектики рассудка можно обнаружить у Гегеля: «Определения рассудка необходимо сталкиваются с самими собой» [3, с. 98]. Рассудок, как известно, дает внешние определения и, говоря словами Гегеля, «твердо держится за них», «упорствует в своих разделениях». Можно внешне переходить от одной определенности к другой, связывать их внешним образом – в этих случаях мы твердо стоим на почве рассудка и в этих переходах нет никакой внутренней необходимости. Но, как справедливо пишет Тамаз Буачидзе, «достаточно углубиться в суть рассудочной определенности, как дело коренным образом меняется. Оказывается, что каждая определенность содержит в себе момент своего же *отрицания*, который обуславливает необходимый переход этой определенности в свою противоположность. Это означает, что каждая определенность имеет свою логику, свой внутренний закон: *не мы переходим своевольно* от одной определенности к другой, а *сама* определенность в силу заложенного в ней отрицания переходит в свою противоположность. Таким образом, из сферы четких, установленных по принципу тождества определенностей мы переходим в сферу противоположностей, т. е. в сферу конфликта, борьбы: каждая определенность противопоставлена своей противоположности и примирение их кажется невозможным» [1, с. 53].

Разум в своей сущей форме погибает, а его «сущая форма» есть рассудок. Но что же такое *разум*? – «Разум – не коробка или иное какое **геометрическое** вместилище своего содержания, в которое можно вложить что угодно; он – и не мельница, которая размелет как зерно, так и мусор, т. е. не система механических, всегда себе равных осуществлений, применимых одинаково к любому материалу и при любых условиях. Нет, он есть живое и целестремительное, – орган живого существа, *modus* взаимоотношения познающего и познаваемого, т. е. вид связи бытия» [7, с. 821].

Вот здесь надо остановиться и задуматься. Отрицательное определение разума весьма ясно обнаруживает *природу рассудка*. Перед нами – весьма четкое определение того, *что есть рассудок и как он работает*. Итак, рассудок – некая коробка, геометрическое вместилище, куда можно вложить любое содержание, сведя его к *содержимому*. – Есть такое. Рассудок – некое хранилище (где всё разложено по полочкам, по секциям и ящичкам, на современном языке – по папкам и файлам). Об этом превосходно сказано у Фихте: «Рассудок есть рассудок лишь постольку, поскольку в нем что-либо закрепляется; и все, что закрепляется, закрепляется единственно в рассудке. Рассудок можно описать как закрепленную разумом силу воображения или же как разум, снабженный объектами через силу воображения. Рассудок – что бы время от времени ни рассказывали об его действиях – есть покоящаяся, бездеятельная способность духа, есть простое хранилище созданного силою воображения, определенного разумом и подлежащего дальнейшему определению» [6, с. 209]. Нечто по полочкам мы раскладываем не просто из любви к порядку, а, в первую очередь, для удобства пользования, распоряжения, применения. Итак, *полезность*, использование – вот прерогатива

почтенного рассудка. Ему-то и истина если и нужна, то лишь в пределах разнообразных *полезностей* и ни в коей мере сама по себе.

Далее: рассудок, по Флоренскому, есть система механических, всегда себе равных осуществлений, применимых одинаково к любому материалу и при любых условиях. Именно так и работает рассудок, перемалывая любой материал *по своей схеме*. Как здесь не вспомнить выражение Владимира Соломоновича Библера – «мыслерубка рассудка»... Правда, рассудок способен изменять схемы своих «осуществлений», он не прикован лишь к одной-единственной, «априорной» схеме, однако от механизма собственно он отказаться в принципе не может, ибо работает-то он в режиме *абстрактно-всеобщего*, прикладывая себя «к любому материалу и при любых условиях». Цель его работы задается *не им самим*. Гегель отмечает: «Рассудок есть некий придворный, который угождает настроением своего господина: он умеет разыскивать основания для оправдания всякой страсти, для всякой затеи, он является преимущественно слугой себялюбия, всегда очень проникательного в стремлении придать красивую окраску совершенным или будущим ошибкам и часто восхваляющего самого себя за то, что оно нашло для себя такую хорошую отговорку» [2, с. 58]. Кто же тогда выступает господином рассудка? *Возможно*, разум. Хотелось бы, чтобы разум. Но разум – целостный, не поврежденный чрезмерной рассудочностью. Говорил же Бернард Шоу: «Тот, кто слушает голос рассудка, – пропал! Рассудок поработает всех, чей разум не в силах совладать с ним». Значит, разум должен совладать с рассудком, не позволять последнему «выходить за пределы возможного опыта» (Кант), то есть за пределы своего разумения, и посягать на то, что может находиться исключительно в компетенции собственно *разума*. Но разума, не искалеченного рассудком, не рассудочно подпорченного, а *разума вразумлённого*.

Возвращаемся к Флоренскому. Характеризуя разум в противопоставлении рассудку, он говорит, что разум «есть живое и целестремительное, – орган живого существа, *modus* взаимоотношения познающего и познаваемого, т. е вид связи бытия». Иными словами, *мера разумности* положена не в принципах какого-то особенного *устройства* «разума» как такового, а *характером вхождения человека в связность бытия*, положена способом «сращивания» (каждый раз – заново!) человека с бытием, с его, бытия, глубинами. Николай Бердяев также полагает, что разум не есть нечто рассудочное, интеллектуальное, это «цельный, солнечный дух в мире и человеке»; познание есть высвобождение бытия, возвращение его к первоисточнику. Согласно Владимиру Соловьёву наше мышление свою безусловную *разумность* получает не само по себе, в основе истинного знания лежит мистическое восприятие. Всеобщность и необходимость, эта безусловность нашего мышления, перестает быть пустой формой лишь тогда, когда она выражает собой всеобщий и необходимый *предмет*, когда она соответствует безусловному содержанию. – Таким «предметом», по В. С. Соловьёву, является сущее *всеединство*; разум же есть *принцип этого всеединства в нас*.

А далее П. А. Флоренский говорил о самом главном: именно Истина делает разум разумным и излечивает его от чрезмерной рассудочности, но не разум делает Истину истиною. Истина освобождает наш разум от самомнящей рассудочности.

Вот что интересно: а ведь рассудок как таковой (и здесь можно поспорить с самим о. Павлом Флоренским) – тоже «вид связи бытия», особый способ связи познающего с познаваемым. Рассудок фиксирует *абстрактно-общий* вид всевозможных связей (сфера наличного бытия), и субъект к познаваемому относится исключительно как к *объекту*. На уровне рассудка человек также использует *силу бытия*, но именно – **использует**, применяет. Добытые рассудком истины нужны для использования, оснащения, вооружения, потребления, удобства, – но не для жизни в Истине. Разум же – не для пользования, юзерства, употребления и комфорта. Разум – для того, чтобы сохранять в себе человеческое, *оставаться и быть собственно человеком* – даже в самых нечеловеческих, бесчеловечных условиях и ситуациях.

Разум как именно *разум* противостоит одному, и притом неизбывному, пороку человеческой природы: выдёргивать какой-либо момент (сторону) из целостности человеческой жизни и придавать ему самодовлеющее значение. Если же разум пытается *самого себя* взгромоздить на место целостности, поставить себя «во главу угла», то перед нами – разум, безумно загоняющий себя «в угол», в тупик, – в тупик рассудка.

Выводы. Таким образом, обращение к размышлениям русского философа Павла Флоренского относительно соотношения разума и рассудка позволяет углубить понимание этих категорий, этих человеческих способностей, выражающих различные способы мироотношения. Можно услышать мнение, что само различие рассудка и разума устарело, что современная философия отказалась от

него. Значит, філософія Павла Флоренського – устаріла, вона несучасна. – Увы, одно в мире не устаревает: поверхностность и скороспелость суждений.

Источники и литература

1. Буачидзе Тамаз. Гегель о сущности философии / Тамаз Буачидзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1981. – 159 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Народная религия и христианство / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем. Е. А. Фролова] // Работы разных лет : в 2 т. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 45–86. – (Философское наследие).
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем. Б. Столпнер]. – Т. 1 : Наука логики. – М. : Мысль, 1974. – 452 с. ; 1 л. портр. – (Философское наследие).
4. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений. – М. : Правда, 1990. – С. 195–392. – (Приложение к журналу «Вопросы философии»).
5. Лосев А. Ф. Русская философия / А. Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура. – М. : Политиздат, 1991. – С. 209–236. – (Мыслители XX века).
6. Фихте И. Г. Основа общего наукоучения / И. Г. Фихте ; [пер. с нем. Е. Трубецкой] // Сочинения : в 2 т. Т. 1 / сост. и примечания Владимира Волжского. – СПб. : Мифрил, 1993. – С. 65–337.
7. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1991. – Т. 1 (I) – 491 с. – (Приложение к журналу «Вопросы философии»).
8. Шеллинг Ф. В. Й. Бруно, или о Божественном и природном начале вещей. Беседа / Ф. В. Й. Шеллинг ; [пер. с нем. М. И. Левина] // Сочинения : в 2 т. / сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. – М. : Мысль, 1987. – Т.1. – (Философское наследие). – С. 490–588.

Возняк Володимир. Співвідношення розсудку й розуму у філософії Павла Флоренського. У статті проаналізовано інтерпретацію П. О. Флоренським традиційної для класичної філософії проблеми співвідношення розсудку та розуму. Російський філософ акцентує увагу на внутрішній суперечливості розсудку, на його прагненні до самоствердження, що є основою гріха. Тому розсудок омертвляє все живе. Розум же постає не як певний механізм для обробки будь-якого змісту, а яке орган живої істоти, вид зв'язку буття. Отже, міра розумності покладена не в способах особливого влаштування розуму як такого, а характером входження людини у зв'язність буття, покладена способом зрощування людини з глибинами буття. Ось чому саме Істина робить розум розумним і виліковує його від надмірної розсудковості.

Ключові слова: розсудок, розум, гріх, істина, тотожність, самоствердження, самість.

Vozniak Vladimir. The Correlation of Sense and Reason in Pavlo Florenskii Philosophy. In this article there is analysed P. O. Florenskii interpretation of traditional and classic philosophy of the correlation of sense and reason problem. Russian philosopher pays special attention to inner irreconcilability of sense, on its aspiration for self-affirmation that is the basis of sin. That's why the sense benumbs everything alive. The reason is not a mechanism for working out of sense but the living being organ, the type of existence connection. It means that the measure of reasonableness is not in the ways of special reason organization, but the human entry into the connectedness of existence that is laid by the way of human growing up with existence depth. That's why the Truth makes the reason clever and treats it from the excessive reasonableness.

Key words: sense, reason, sin, truth, identity, self-affirmation, selfishness.

Стаття надійшла до редколегії
04.04.2014 р.

УДК

Андрій Джигіта

Рефлексія й темпоральні підстави її функціонування у феноменології Едмунда Гусерля

Досліджено сутнісні особливості рефлексії як методологічного складника феноменологічної концепції іманентного часу Е. Гусерля. Проаналізовано функціонування темпоральної структури свідомості під час виконання рефлексивних актів. З'ясовано потенційні межі застосування феноменологічної рефлексії.

Ключові слова: феноменологія, рефлексія, іманентний час, ретенція, репродукція, темпоральний потік свідомості.